

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2016–2017 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС
Задания, ответы и критерии оценивания

1. [30 баллов] СОННИК

То был, друзья, Мартын Задека...

А. С. Пушкин

Герои русской литературы часто видят сны. Составьте небольшой (10–15 статей) «сонник», перечислив по алфавиту предметы, явления, понятия, которые видят в своих снах герои русской литературы. Укажите имена персонажей, названия произведений, имена авторов, а также значение (возможно, символическое) этого предмета или явления в развитии сюжета или характера героя. Оцениваются: количество статей, количество упомянутых произведений, фактическая точность, полнота объяснений. Несколько статей могут быть связаны с одним и тем же сном.

Пример словарной статьи.

ПОРОСЁНОК. Страшные, подпрыгивающие на аршин от земли поросята с клыками сняты Василисе, персонажу романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» в финале. Поросята, разрывшие огородик (непрочное счастье), становятся символом страха Василисы, труса и паникёра, перед новой реальностью, перед большевиками. См. *Свинья*.

Критерии оценивания	Баллы
Количество статей	5 баллов
Количество названных произведений и героев	5 баллов
Фактическая точность (наличие /отсутствие фактических ошибок)	10 баллов
Полнота комментариев (указанные значения предметов или явлений)	10 баллов

Несколько статей могут быть связаны с одним и тем же сном и комментировать разные предметы в одном сне.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1. Прозаический текст.

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)

НА ПРЕДСТАВКУ

Играли в карты у коногона Наумова. Дежурные надзиратели никогда не заглядывали в барак коногонов, справедливо полагая свою главную службу в наблюдении за осуждёнными по пятьдесят восьмой статье. Лошадей же, как правило, контрреволюционерам не доверяли. Правда, начальники-практики втихомолку ворчали: они лишались лучших, заботливейших рабочих, но инструкция на сей счёт была определённа и строга. Словом, у коногонов было всего безопасней, и каждую ночь там собирались блатные для своих карточных поединков.

В правом углу барака на нижних нарах были разостланы разноцветные ватные одеяла. К угловому столбу была прикручена проволокой горящая «колымка» – самодельная лампочка на бензинном паре. В крышку консервной банки впаивались три-четыре открытые медные трубки – вот и всё приспособление. Для того чтобы эту лампу зажечь, на крышку клали горячий уголь, бензин согревался, пар поднимался по трубкам, и бензиновый газ горел, зажжённый спичкой.

На одеялах лежала грязная пуховая подушка, и по обеим сторонам её, поджав по-бурятски ноги, сидели партнёры – классическая поза тюремной карточной битвы. На подушке лежала новенькая колода карт. Это не были обыкновенные карты, это была тюремная самодельная колода, которая изготавливается мастерами сих дел со скоростью необычайной. Для изготовления её нужны бумага (любая книжка), кусок хлеба (чтобы его изжевать и протереть сквозь тряпку для получения крахмала – склеивать листы), огрызок химического карандаша (вместо типографской краски) и нож (для вырезывания и трафаретов мастей, и самих карт).

Сегодняшние карты были только что вырезаны из томика Виктора Гюго – книжка была кем-то позабыта вчера в конторе. Бумага была плотная, толстая – листков не пришлось склеивать, что делается, когда бумага тонка. В лагере при всех обысках неукоснительно отбирались химические карандаши. Их отбирали и при проверке полученных посылок. Это делалось не только для пресечения возможности изготовления документов и штампов (было много художников и таких), но для уничтожения всего, что может соперничать с государственной карточной монополией. Из химического карандаша делали чернила, и чернилами сквозь изготовленный бумажный трафарет наносили узоры на карту – дамы, валеты, десятки всех мастей... Масти не различались по цвету – да

различие и не нужно игроку. Валету пик, например, соответствовало изображение пики в двух противоположных углах карты. Расположение и форма узоров столетиями были одинаковыми – умение собственной рукой изготовить карты входит в программу «рыцарского» воспитания молодого блатаря.

Новенькая колода карт лежала на подушке, и один из играющих похлопывал по ней грязной рукой с тонкими, белыми, нерабочими пальцами. Ноготь мизинца был сверхъестественной длины – тоже блатарский шик, так же, как «фиксы» – золотые, то есть бронзовые, коронки, надеваемые на вполне здоровые зубы. Водились даже мастера – самозванные зубопротезисты, немало подрабатывающие изготовлением таких коронок, неизменно находивших спрос. Что касается ногтей, то цветная полировка их, бесспорно, вошла бы в быт преступного мира, если бы можно было в тюремных условиях завести лак. Холёный жёлтый ноготь поблёскивал, как драгоценный камень. Левой рукой хозяин ногтя перебирал липкие и грязные светлые волосы. Он был подстрижен «под бокс» самым аккуратнейшим образом. Низкий, без единой морщинки лоб, жёлтые кустики бровей, ротик бантиком – всё это придавало его физиономии важное качество внешности вора: незаметность. Лицо было такое, что запомнить его было нельзя. Поглядел на него – и забыл, потерял все черты, и не узнать при встрече. Это был Севочка, знаменитый знаток терца, штоса и буры – трёх классических карточных игр, вдохновенный истолкователь тысячи карточных правил, строгое соблюдение которых обязательно в настоящем сражении. Про Севочку говорили, что он «превосходно исполняет» – то есть показывает умение и ловкость шулера. Он и был шулер, конечно; честная воровская игра – это и есть игра на обман: следи и уличай партнёра, это твоё право, умей обмануть сам, умей отспорить сомнительный выигрыш.

Играли всегда двое – один на один. Никто из мастеров не унижал себя участием в групповых играх вроде очка. Садиться с сильными «исполнителями» не боялись – так и в шахматах настоящий боец ищет сильнейшего противника.

Партнёром Севочки был сам Наумов, бригадир коногонов. Он был старше партнёра (впрочем, сколько лет Севочке – двадцать? тридцать? сорок?), черноволосый малый с таким страдальческим выражением чёрных, глубоко запавших глаз, что, не знай я, что Наумов железнодорожный вор с Кубани, я принял бы его за какого-нибудь странника – монаха или члена известной секты «Бог знает», секты, что вот уже десятки лет встречается в наших лагерях. Это впечатление увеличивалось при виде гайтана с оловянным крестиком, висевшего на шее Наумова, – ворот рубахи его был расстёгнут. Этот крестик отнюдь не был кощунственной шуткой, капризом или импровизацией. В то время все блатные носили на шее алюминиевые крестики – это было опознавательным знаком ордена, вроде татуировки.

В двадцатые годы блатные носили технические фуражки, ещё ранее – капитанки. В сороковые годы зимой носили они кубанки, подвертывали

голенища валенок, а на шее носили крест. Крест обычно был гладким, но, если случались художники, их заставляли иглой расписывать по кресту узоры на любимые темы: сердце, карта, крест, обнажённая женщина... Наумовский крест был гладким. Он висел на тёмной обнажённой груди Наумова, мешая прочесть синюю наколку-татуировку – цитату из Есенина, единственного поэта, признанного и канонизированного преступным миром:

*Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок.*

– Что ты играешь? – процедил сквозь зубы Севочка с бесконечным презрением: это тоже считалось хорошим тоном начала игры.

– Вот тряпки. Лепёху эту... И Наумов похлопал себя по плечам.

– В пятистах играю, – оценил костюм Севочка. В ответ раздалась громкая многословная ругань, которая должна была убедить противника в гораздо большей стоимости вещи. Окружающие игроков зрители терпеливо ждали конца этой традиционной увертюры. Севочка не оставался в долгу и ругался ещё язвительней, сбивая цену. Наконец костюм был оценен в тысячу. Со своей стороны, Севочка играл несколько поношенных джемперов. После того как джемперы были оценены и брошены тут же на одеяло, Севочка стасовал карты.

Я и Гаркунов, бывший инженер-текстильщик, пилили для наумовского барака дрова. Это была ночная работа – после своего рабочего забойного дня надо было напилить и наколоть дров на сутки. Мы забирались к коногонам сразу после ужина – здесь было теплей, чем в нашем бараке. После работы наумовский дневальный наливал в наши котелки холодную «юшку» – остатки от единственного и постоянного блюда, которое в меню столовой называлось «украинские галушки», и давал нам по куску хлеба. Мы садились на пол где-нибудь в углу и быстро съедали заработанное. Мы ели в полной темноте – барачные бензинки освещали карточное поле, но, по точным наблюдениям тюремных старожил, ложки мимо рта не пронесёшь. Сейчас мы смотрели на игру Севочки и Наумова.

Наумов проиграл свою «лепёху». Брюки и пиджак лежали около Севочки на одеяле. Игралась подушка. Ноготь Севочки вычерчивал в воздухе замысловатые узоры. Карты то исчезали в его ладони, то появлялись снова. Наумов был в нательной рубахе – сатиновая косоворотка ушла вслед за брюками. Услужливые руки накинули ему на плечи телогрейку, но резким движением плеч он сбросил её на пол. Внезапно всё затихло. Севочка неторопливо почёсывал подушку своим ногтем.

– Одеяло играю, – хрипло сказал Наумов.

– Двести, – безразличным голосом ответил Севочка.

– Тысячу, сука! – закричал Наумов.

– За что? Это не вещь! Это – локш, дряннь, – выговорил Севочка. – Только для тебя – играю за триста.

Сражение продолжалось. По правилам, бой не может быть окончен, пока партнёр ещё может чем-нибудь ответить.

– Валенки играю.

– Не играю валенок, – твёрдо сказал Севочка. – Не играю казённых тряпок.

В стоимости нескольких рублей был проигран какой-то украинский рушник с петухами, какой-то портсигар с вытисненным профилем Гоголя – всё уходило к Севочке. Сквозь тёмную кожу щек Наумова проступил густой румянец.

– На представку, – заискивающе сказал он.

– Очень нужно, – живо сказал Севочка и протянул назад руку: тотчас же в руку была вложена зажжённая махорочная папироса. Севочка глубоко затянулся и закашлялся. – Что мне твоя представка? Этапов новых нет – где возьмёшь? У конвоя, что ли?

Согласие играть «на представку», в долг, было необязательным одолжением по закону, но Севочка не хотел обижать Наумова, лишая его последнего шанса на отыгрыш.

– В сотне, – сказал он медленно. – Даю час представки.

– Давай карту. – Наумов поправил крестик и сел. Он отыграл одеяло, подушку, брюки – и вновь проиграл всё.

– Чифирку бы подварить, – сказал Севочка, укладывая выигранные вещи в большой фанерный чемодан. – Я подожду.

– Заварите, ребята, – сказал Наумов.

Речь шла об удивительном северном напитке – крепком чае, когда на небольшую кружку заваривается пятьдесят и больше граммов чая. Напиток крайне горек, пьют его глотками и закусывают солёной рыбой. Он снимает сон и потому в почёте у блатных и у северных шофёров в дальних рейсах. Чифирь должен бы разрушительно действовать на сердце, но я знал многолетних чифиристов, переносящих его почти безболезненно. Севочка отхлебнул глоток из поданной ему кружки.

Тяжёлый чёрный взгляд Наумова обводил окружающих. Волосы спутались. Взгляд дошёл до меня и остановился.

Какая-то мысль сверкнула в мозгу Наумова.

– Ну-ка, выйди.

Я вышел на свет.

– Снимай телогрейку.

Было уже ясно, в чём дело, и все с интересом следили за попыткой Наумова.

Под телогрейкой у меня было только казённое нательное бельё – гимнастёрку выдавали года два назад, и она давно истлела. Я оделся.

– Выходи ты, – сказал Наумов, показывая пальцем на Гаркунова.

Гаркунов снял телогрейку. Лицо его побелело. Под грязной нательной рубахой был надет шерстяной свитер – это была последняя передача от жены перед отправкой в дальнюю дорогу, и я знал, как берёт его Гаркунов, стирая его

в бане, суша на себе, ни на минуту не выпуская из своих рук, – фуфайку украли бы сейчас же товарищи.

– Ну-ка, снимай, – сказал Наумов.

Севочка одобрительно помахивал пальцем – шерстяные вещи ценились. Если отдать выстирать фуфаечку да выпарить из неё вшей, можно и самому носить – узор красивый.

– Не сниму, – сказал Гаркунов хрипло. – Только с кожей...

На него кинулись, сбили с ног.

– Он кусается, – крикнул кто-то.

С пола медленно поднялся Гаркунов, вытирая рукавом кровь с лица. И сейчас же Сашка, дневальный Наумова, тот самый Сашка, который час назад наливал нам супчику за пилку дров, чуть присел и выдернул что-то из-за голенища валенка. Потом он протянул руку к Гаркунову, и Гаркунов всхлипнул и стал валиться на бок.

– Не могли, что ли, без этого! – закричал Севочка. В мерцавшем свете бензинки было видно, как сереет лицо Гаркунова.

Сашка растянул руки убитого, разорвал нательную рубашку и стянул свитер через голову. Свитер был красный, и кровь на нём была едва заметна. Севочка бережно, чтобы не запачкать пальцев, сложил свитер в фанерный чемодан. Игра была кончена, и я мог идти домой. Теперь надо было искать другого партнёра для пилки дров.

(1956)

Дополнительный вопрос. Зачем начало рассказа В.Т. Шаламова отсылает читателя к началу повести А.С. Пушкина «Пиковая дама»? Включите ответ на этот вопрос в свою аналитическую работу.

«Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра. Те, которые остались в выигрыше, ели с большим аппетитом, прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговор оживился, и все приняли в нём участие». (А.С. Пушкин. «Пиковая дама»)

Вариант 2. Стихотворный текст.

Юлия Владимировна Друнина (1924–1991)

ДРУНЯ

*«Друня» – уменьшительная форма
от древнеславянского слова «дружина».*

Это было в Руси былинной.
В домотканый сермяжный век:
Новорожденного Дружиной
Светлоглазый отец нарек.
В этом имени – звон кольчуги,
В этом имени – храп коня,
В этом имени слышно:
– Други!
Я вас вынесу из огня!

Пахло сеном в ночах июня,
Уносила венки река.
И смешливо и нежно
«Друня»
звали девицы паренька.
Расставанье у перелаза,
Ликование соловья...
Светло-русы и светлоглазы
Были Друнины сыновья.

Пролетали, как миг, столетья,
Царства таяли словно лёд...
Звали девочку Друней дети –
Шёл тогда сорок первый год.
В этом прозвище, данном в школе,
Вдруг воскресла святая Русь,
Посвист молодца в чистом поле,
Хмурь лесов, деревенок грусть.
В этом имени – звон кольчуги,
В этом имени – храп коня,
В этом имени слышно:
– Други!
Я вас вынесу из огня!

Пахло гарью в ночах июня,
Кровь и слёзы несла река,
И смешливо и нежно «Друня»

Звали парни сестру полка.
Точно эхо далекой песни,
Как видения, словно сны,
В этом прозвище вновь воскресли
Вдруг предания старины.
В этом имени – звон кольчуги,
В этом имени – храп коня,
В этом имени слышно:
– Други!
Я вас вынесу из огня!..

(1962)

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёх-балльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятерке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

	Критерии оценивания	Баллы
К1	Наличие/отсутствие ошибок в понимании текста; последовательное и адекватное раскрытие смысла текста в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	15
К2	Композиционная стройность работы, её общая логика и стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	10
К3	Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
К4	Наличие/отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
К5	Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок). Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
	<i>Максимальный балл</i>	40

Примерный ответ на дополнительный вопрос

Возможно, Шаламов хочет таким образом подчеркнуть вопиющий контраст между благополучной и сытой жизнью дворян XIX века (их заботы и волнения по сравнению с жизнью узников в сталинском ГУЛАГе не более чем детские игры со скуки и в атмосфере праздной роскоши) и жестоким существованием заключённых на грани со смертью. Игра в карты в лагере – игра всерьёз, в которой ставкой делают человеческую жизнь, а последняя не стоит ровно ничего. XX век – век насилия, жестокости, лицемерия и человеческой подлости в отличие от XIX века, где главными ценностями были достоинство личности и идея дворянской чести.

Ответ должен быть включён в письменную работу. Если учащийся оформляет ответ отдельным пунктом, то его содержание оценивается в первом критерии.

Максимальный балл за все выполненные задания – 70.